

Сломанные мысли

Оксана Насонова

18+

Сломанные мысли

Оксана Насонова
Сломанные мысли

«Автор»

2026

Насонова О. А.

Сломанные мысли / О. А. Насонова — «Автор»,
2026 — (Сломанные мысли)

В закрытом комплексе АО «Заслон» люди живут по строгим правилам: их действия контролируются, воспоминания стираются, а воля подавляется. Каждый день — это монотонная рутина, где эмоции считаются отклонением, а память — угрозой стабильности системы. Ярослав — один из испытуемых, чья жизнь сводится к фиксации «отклонений» на экранах и принятию таблеток, подавляющих сознание. Но однажды он начинает замечать сбои в работе сканирующих шаров, странные реакции браслетов, намёки тех, кто, кажется, тоже начал просыпаться. Вместе с другими пробудившимися Ярослав разрабатывает план сопротивления. Это история о силе человеческого духа, о ценности памяти и свободы, о том, как страх можно превратить в решимость, а одиночество — в единство. О том, что даже в самой совершенной системе есть трещины — и достаточно искры, чтобы разжечь пламя сопротивления.

© Насонова О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трус или герой	5
Мир в огне	10
Пробуждение в неизвестности	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оксана Насонова

Сломанные мысли

Трус или герой

— Я не знаю наступит ли завтра. Мир уже не станет прежним. Печально видеть всё это безумие! Встану ли я с постели, буду ли жив? Одно я знаю точно: мне нужно что-то предпринять. Я должен спасти себя и других испытуемых от этих тварей. Смогу ли я?

— Эти объекты истребили нашу землю. Они внезапно напали и поглотили всё живое. Они управляют нашими умами, нашей жизнью, нашим телом. Мы ничего не можем сделать. Моя судьба давно потеряна, мои мысли сломаны. Но я должен найти выход.

Ярослав сидел у окна, глядя на пляшущие фонари от сканирующих шаров. Искры взлетали в воздух и гасли во тьме, словно обрывки его воспоминаний — тех, что ещё остались. Вокруг царила искусственная ночная тишина: где-то вдалеке переключался гул работающих систем. Но внутри него бушевала буря — буря мыслей, вопросов, противоречий.

Он глубоко вдохнул, потёр ладони, будто пытаясь согреть не тело, а душу, и тихо, почти шёпотом, начал говорить — скорее с самим собой, чем вслух:

— До АО «Заслон» ... До всего этого я был другим. Непутёвым, беспринципным. Жил одним днём, думал только о себе, искал лёгких путей. Обманывал, если было выгодно. Избегал ответственности. Считал, что правила — для других, а мне можно чуть больше. Я не был злодеем, нет... Но и не был тем, кем стал сейчас.

— Потом был комплекс. Опыты. Стирание памяти, подавление мыслей... Они хотели сломать меня. И, в каком-то смысле, им это удалось. Я «сломался». Но не так, как они планировали. Вместо покорной марионетки... я стал другим. Будто всё пустое, эгоистичное — отслоилось, осыпалось, как старая кора. А под ней оказалось, что-то настоящее. Что-то, что я, возможно, всегда носил в себе, но не замечал.

Ярослав сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна противоречивых чувств — благодарности и гнева, боли и надежды.

— АО «Заслон» сломало меня — да. Но, парадоксально, оно же и возродило. Из непутёвого человека я превратился в того, кто хочет справедливости. Кто готов бороться не за себя одного, а за всех. Кто понимает цену свободы, потому что потерял её, а потом — чудом — начал возвращать.

Он резко выдохнул, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть.

— Но это только моя история. Моя странная трансформация. У других всё иначе. Другие перенесли столько боли, сколько я и представить не мог. Кто-то сломался по-настоящему — без возрождения. Кто-то потерял близких. Кто-то до сих пор там, внутри, в руках этих... учёных, палачей, называй как хочешь. И я не имею права забывать ни о том, кем был, ни о том, кем стал.

— Я должен помнить. Помнить свою слабость, чтобы не повторить ошибок прошлого. Помнить боль, чтобы понимать тех, кто страдает. Помнить страх, чтобы преодолеть его. И идти вперёд. К освобождению. Ради мести. Ради справедливости. Ради тех, кто не смог вырваться. Ради тех, кого ещё можно спасти.

— Я больше не тот, кем был. Но я и не новый человек с чистого листа. Я — это и прошлое, и настоящее. И я выбираю путь борьбы. Выбираю путь освобождения. Пусть будет страшно. Пусть будет трудно. Но я пойду. И поведу за собой других. Потому что теперь я знаю: свобода — это не отсутствие цепей. Свобода — это когда ты решаешь, как жить. И когда ты берёшь на себя ответственность за тех, кто рядом.

Ярослав поднял голову к потолку, вдохнул полной грудью фальшивый воздух и твёрдо произнёс:

— Я иду до конца. И не остановлюсь.

— Для меня важно сделать хоть что-то полезное. Ведь я всегда был идиотом: поступал так, как считал нужным и, в то же время, постоянно всем делал больно. А теперь, когда моя жизнь практически исчезла, я должен понять, к чему мне нужно идти, к чему стремиться.

— Не хотелось бы, чтобы наши дети жили в такой атмосфере, чтобы они просто существовали. Ведь хочется мирного неба, счастья в каждой семье, взаимной любви и уважения. Я в прошлом не слышал никого, не замечал, что моя жизнь сломана и теперь я должен это всё исправить.

— Но самое главное, что мне страшно. На самом деле, мне невыносимо страшно. Я хочу жить, как раньше, как жили все мы до этого ужасного времени. Я хочу воспитывать детей, хочу любить и работать, хочу заниматься тем, что требует душа.

— Мне страшно. По-настоящему страшно — так, что иногда по ночам я лежу с закрытыми глазами и чувствую, как сердце бьётся слишком часто, слишком громко. Боюсь, что система доберётся до меня, сотрёт последние воспоминания, превратит в послушную тень, как многих других. Боюсь боли, которую они могут причинить. Боюсь не успеть — не успеть помочь Марине найти детей, не успеть вернуть Михаилу его смех, не успеть напомнить Анне, что она умеет жить.

— Я боюсь, потому что понимаю: я не всемогущ. Я один против огромной, отлаженной машины, которая годами стирала в людях всё человеческое. У неё есть шары, браслеты, операторы, протоколы, таблетки — целая система подавления. А у меня... что у меня? Пара догадок, решимость — и страх.

Но именно поэтому я должен идти дальше.

— Потому что если не я, то кто? Если не сейчас, то когда? Если мы все будем бояться и молчать, система победит. Она уже почти победила — посмотри вокруг: люди ходят, едят, выполняют команды, но не живут. Их мысли сломаны, память стёрта, воля подавлена. Они больше не задают вопросов. Они даже не помнят, что когда-то умели их задавать.

— Моя цель проста и ясна: уничтожить эти сломанные мысли. Не просто сбежать самому — это было бы слишком легко. Нет. Я хочу сломать сам механизм, который ломает людей. Хочу вернуть им память, волю, страх и надежду — всё то, что делает нас людьми.

— Да, я боюсь. Боюсь, что меня поймают. Боюсь, что не справлюсь. Боюсь подвести тех, кто уже начал просыпаться. Но этот страх... он не парализует меня. Он будит меня. Каждое утро, когда я вижу бледные лица вокруг, когда слышу монотонный голос оператора, когда браслет мерцает зелёным — я вспоминаю: это не норма. Это клетка. И я не хочу в ней жить.

— Я буду искать уязвимости — в системе, в браслетах, в протоколах. Буду осторожно протягивать руку тем, кто тоже начал видеть трещины в этой идеальной картине. Буду запоминать время сбоя, траектории шаров, реакции операторов. Буду учиться обманывать датчики, прятать эмоции, маскировать мысли — и при этом оставаться собой.

— Система считает, что мы данные на экране, послушные объекты. Но она ошибается. Мы люди. У нас есть память. У нас есть воля. У нас есть страх — и именно он показывает, что мы ещё живы. А если мы живы, значит, мы можем бороться.

— Я не знаю, получится ли у меня. Возможно, меня остановят. Возможно, я не дойду до конца. Но даже если я проиграю, пусть мой пример покажет другим: можно сопротивляться. Можно помнить. Можно хотеть большего, чем зелёное мерцание браслета и безвкусную еду.

— И если хотя бы один человек после меня сделает шаг вперёд, если хотя бы одна искра памяти разгорится в ком-то ещё — значит, я не зря боялся. Не зря шёл. Не зря боролся.

— Так что да, мне страшно. Но я продолжу. Потому что единственный способ победить систему — это перестать её бояться. И начать действовать. Шаг за шагом. День за днём. Пока

сломанные мысли не станут целыми. Пока люди не вспомнят, кто они. Пока мир в АО «Заслон» не изменится.

— Думаю, я в своей прошлой жизни многое упустил. Хочу, чтобы люди снова жили как раньше, и я тоже, только с другим мышлением. Чтобы все испытываемые могли вспомнить всех тех, кто когда-то был рядом. Мы всех потеряли. Но я всё-таки вспоминаю некоторые моменты. Большинство людей были лучше, чем я.

— Они жили, любили, растили и воспитывали детей, совершили какие-то ошибки, могли как-то оступиться, но всё же- жизнь продолжалась. Я могу сказать лишь одно: горжусь своими дедушками и бабушками, что из поколения в поколение передавали свой опыт и знания. Горжусь героями, которые пожертвовали своей жизнью, чтобы защитить мирных людей.

— На самом деле, важно принять верное решение, и понять- трус ли ты, или герой! Мне кажется, в той прошлой жизни я бы никогда бы не поступил правильно, а наоборот, сделал бы всё возможное, чтобы меня считали подлым человеком. Но сейчас, когда сломаны многие судьбы и нет свободы в мыслях, нужно что-то поменять.

— Я знаю, если в ближайшее время не выйду за пределы границы, то больше этого никто не сделает. Вся надежда на меня. Я могу быть лучше. Может быть, я не такой плохой человек, но как трудно решиться на неизвестность. Последние ночи дают мне возможность всё переосмыслить, понять всю свою жизнь.

— Недавно мне приснился сон, что Марина снова спит в моей комнате. Она такая красивая и нежная. Я счастлив, что встретил её. Интересно, где она сейчас? Только ради неё я готов рискнуть всем. Что у меня есть. Она лучшее, что могло со мной произойти. Правда, она об этом не знает. Парадокс: рядом с ней мне хотелось быть хорошим человеком. Но как жаль, что я не её мужчина и не отец её детей. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— Я хочу уберечь Марину, чтобы она снова жила той прежней жизнью, чтобы обрела своё счастье и нашла детей. Мы все вместе должны наконец-то выгнать этих роботизированных недолюдишек, чтобы их никогда больше не было на нашей земле. Они не имеют право нами управлять. Мы должны жить своим умом и сердцем.

— Я закрываю глаза и представляю... нет, не побег — это было бы слишком просто. Я представляю, что будет, если мы победим. Если мы ломаем систему АО «Заслон» не снаружи, а изнутри. Если вернём людям то, что у них отняли.

— Первое, что я вижу, — это лица. Настоящие лица. Без этой мёртвой пустоты в глазах, без отрешённости. Я вижу, как Марина улыбается — по-настоящему, а не так, когда пыталась вспомнить, что такое радость. В её глазах больше нет страха, нет отчаяния. Она знает, где её дети, и скоро она их обнимет.

— Михаил. Я представляю его смех — тот самый, заразительный, который, когда-то заставлял смеяться весь класс. Он сидит с нами, рассказывает какую-то нелепую историю и хохочет, откинув голову назад. И все вокруг тоже смеются — не потому, что так надо, а потому, что им весело.

— Анна. Она смотрит на меня — не настороженно, не пытаюсь понять, можно ли доверять, а просто... спокойно. С лёгкой улыбкой. В её взгляде больше нет этой внутренней борьбы — только ясность и тепло. Она помнит всё: кто она, что любит, чего хочет.

— Я открываю глаза и снова вижу стены комнаты — серые, гладкие, безликие. Но теперь они кажутся мне не такими уж прочными. Потому что я знаю: за ними — люди. Много людей. И если хотя бы половина из них проснётся, если хотя бы каждый десятый вспомнит, кто он...

— Что будет дальше?

— Сначала — тишина. Не та, что сейчас: гнетущая, мёртвая, наполненная гулом системы. А другая — живая. Тишина после бури, когда можно наконец выдохнуть и прислушаться к себе. К биению сердца, к дыханию, к мыслям, которые больше не нужно прятать.

— Потом — разговоры. Шёпот сначала, потом — голоса. Люди будут спрашивать друг у друга: «Ты помнишь?», «А ты тоже это видел?», «Как тебя звали до этого места?». Они будут делиться воспоминаниями, как драгоценностями. Кто-то заплачет — не от боли, а от облегчения. Кто-то рассмеётся. Кто-то просто замрёт, пытаясь осознать: «Я — это я., и я свободен».

— Таблетки исчезнут. Их перестанут раздавать. Или, может, кто-то возьмёт одну в руку, посмотрит на неё и бросит на пол — со злостью, с вызовом. И наступит момент, когда никто больше не станет их принимать. Потому что люди поймут: сила — не в подавителях, а в ясном уме.

— Шары... Они всё ещё будут летать над комплексом. Но уже не как надзиратели, а как... инструменты. Может быть, их перенастроят, чтобы они помогали, а не следили. Или просто отключат — и люди наконец почувствуют, что над ними не висит всевидящее око.

— Браслеты... Сначала их будут носить — по привычке, по инерции. Но потом кто-то снимет свой первым. Просто возьмёт и расстегнёт. И посмотрит на него — маленький, гладкий, холодный. Символ контроля. А потом бросит в сторону. И другие последуют за ним. Один за другим.

— Мы начнём восстанавливать связи. Найдём тех, кого потеряли. Марина найдёт своих детей. Кто-то найдёт родителей, кто-то — друзей, кто-то — любимого человека, которого забыл на месяцы или годы. Мы будем искать, спрашивать, вспоминать. И каждый найденный станет ещё одной победой.

— А потом... потом мы начнём строить. Не новый режим, не другую систему подавления — а сообщество. Где каждый будет знать: его мысли ценны, его память священна, его воля — это то, что делает его человеком. Где будут споры, разногласия, даже ссоры — но всё это будет живым. Потому что только так можно по-настоящему жить.

— Я представляю, как мы выйдем за пределы комплекса. Не сбежим — а выйдем. Открытые двери, свежий воздух, солнце, которое светит не через фильтры системы. Мы посмотрим на мир — и увидим его не глазами послушных объектов, а глазами свободных людей.

— И тогда кто-то скажет: «Что теперь?» А я отвечу: «Теперь — жить. По-настоящему. Каждый день. Каждый час. Каждый миг».

— Да, мне страшно. Да, путь будет трудным. Но я вижу это будущее. Я чувствую его. Оно стоит всех испытаний, всех страхов, всех потерь. Потому что это — не просто свобода. Это возвращение к себе.

— И я сделаю всё, чтобы оно наступило. Не для себя одного. Для всех нас. Для Марины, для Михаила, для Анны, для тех, кого я ещё не знаю, но кто тоже ждёт пробуждения.

— Мы победим. И тогда мир в АО «Заслон» перестанет быть тюрьмой. Он станет домом. Первым шагом к чему-то большему. К жизни, которую мы заслужили.

— Где взять силы? Вот он, главный вопрос. Как сделать этот шаг — не осторожный, не пробный, а решающий? Как перестать дрожать перед неизвестностью, перед последствиями, перед самой смертью, которая, я знаю, может стать платой за свободу?

— Я сижу у окна и смотрю на шары, скользящие в вечернем небе. Они кажутся такими могущественными, всевидящими, неуязвимыми. И страх шепчет мне: «Ты один. Ты слаб. Система сильнее. Отступи».

— Но я закрываю глаза — и вижу другие образы. Не серые стены и безликих операторов, а лица. Лица тех, кто когда-то уже стоял на краю, перед выбором: сдаться или бороться. Тех, кто защищал нашу Родину, кто шёл в бой, зная, что может не вернуться. Они тоже боялись. Наверняка боялись. Но всё равно шли вперёд.

— Откуда они брали силы? Может быть, из любви. К семье, к друзьям, к земле, на которой выросли. Марина боится не за себя — она боится за своих детей. И это даёт ей силы помнить, искать, надеяться. Значит, и мне нужно помнить: я борюсь не за себя одного. Я борюсь за Марину, за Михаила, за Анну, за всех, кто ещё спит, но может проснуться.

— Или из чувства долга. Не перед системой, не перед приказами, а перед самим собой. Перед своей совестью. Перед памятью о том, кто я есть. Я не просто объект № 47-В. Я Ярослав. Я помню. И я не имею права предать этого человека — себя настоящего.

— А может, из веры. Не в богов, не в чудеса, а в людей. В то, что мы сильнее, чем кажется. Что даже в самой тёмной ночи найдётся тот, кто зажжёт огонь. И если я сделаю первый шаг, кто-то сделает второй. А потом третий. И вот уже не один, а двое, трое, десятеро идут рядом. Мы перестаём быть одиночками — мы становимся сопротивлением.

— Я вспоминаю седовласого мужчину, который кричал перед всеми: «Перестаньте пить таблетки!» Он знал, что его накажут. Но он всё равно сказал это. И в тот момент он был свободен. Даже если его память снова стёрли, даже если он сейчас ходит с пустым взглядом — в какой-то миг он победил. Потому что не промолчал.

— И я понимаю: сила — не в отсутствии страха. Сила — в том, чтобы действовать несмотря на страх. Чтобы смотреть в лицо неизвестности и говорить: «Я иду вперёд».

— На кого ориентироваться? Не на идеальных героев из легенд. А на тех, кто был настоящим. На солдата, который поднимался в атаку, хотя ноги подкашивались от ужаса. На партизана, который шёл в тыл врага, зная, что шансы малы. На врача, который оставался в заражённом городе, потому что люди нуждались в нём. Они не были сверхлюдьми. Они были обычными людьми — такими же, как я. И они находили в себе силы, потому что за их спиной были те, кто верил в них. Потому что они знали: отступить — значит предать.

— Значит, и я найду. Если они смогли — смогу и я. Если они не сломались под грузом ответственности — не сломясь и я. А если я смогу — смогут и другие. Марина сможет. Михаил сможет. Анна сможет. Каждый, кто хоть раз поймал себя на мысли: «Что-то здесь не так», — сможет.

— Мы не одни. Нас много. И пока мы помним, пока мы чувствуем, пока мы боимся — но всё равно идём вперёд, — мы победим. Страх не исчезнет. Он будет со мной, как и прежде. Но теперь я знаю: он не враг. Он предупреждение. Он говорит: «Осторожно. Будь бдительным». Но он не должен диктовать мне, что делать.

— Я открою дверь. Выйду в коридор. Посмотрю в глаза системе — и скажу: «Хватит». И если рядом со мной будет хотя бы один человек, который тоже готов сделать шаг, — мы пойдём вместе. А за нами пойдут другие.

— Потому что свобода — это не подарок. Это выбор. Выбор каждый день, каждый час, каждую секунду. И я выбираю бороться. Я боюсь. Но я иду вперёд. И я верю: если я найду в себе силы сделать первый шаг — другие найдут силы сделать второй. Вместе мы станем сильнее системы. Вместе мы победим.

Мир в огне

Ярослав резко распахнул глаза — пронзительный вой сирены ворвался в сон, разрывая тишину осеннего утра. Не та монотонная трель учебной тревоги, к которой все привыкли и которую порой даже не замечали, а резкий, надрывный звук, от которого по коже пробежали ледяные мурашки.

Он рывком сел на кровати, сердце застучало чаще. Взгляд метнулся к коммуникатору на тумбочке: экран мигал тревожным красным, буквы скакали, будто в панике:

«Воздушная тревога. Всем гражданам немедленно проследовать в укрытия».

За окном царил странная, почти нереальная картина. С одной стороны, в дымке октябрьского утра, высились силуэты высотных зданий мегаполиса — серые монолиты, пронзающие серое небо. С другой — раскинулась осенняя благодать: золотые и багряные леса, поля, покрытые россыпью опавших листьев, тёмные полосы тропинок, убегающих к горизонту. Природа готовилась к зиме, но ещё хранила остатки былой красоты.

Ярослав вскочил, машинально натянул свитер и джинсы. В голове крутились обрывки мыслей: «Что происходит? Почему тревога? Давно не было... ничего серьёзного».

Он бросился к окну. Внизу, на улицах пригорода, уже кипела жизнь — если это можно было назвать жизнью. Люди выбегали из домов, некоторые с сумками, другие — с пустыми руками, в домашней одежде. Кто-то кричал, кто-то молча бежал, дети цеплялись за руки родителей.

Воздух наполнился новыми звуками: гулом двигателей, сигналами машин, далёким эхом ещё одной сирены — уже с другой стороны. Листья, сорванные порывом ветра, кружились в безумном танце, будто подхваченные общей паникой.

Ярослав схватил куртку и коммуникатор. Экран всё ещё мигал сообщением, теперь с дополнением:

«Угроза ракетного удара. Повторяю: угроза ракетного удара. Всем гражданам...».

Он замер на мгновение, вглядываясь в пейзаж за окном. Контраст был пугающим: с одной стороны — мирная осенняя идиллия, с другой — нарастающая волна тревоги и хаоса. Где-то вдалеке, за лесом, послышался глухой раскат, от которого слегка дрогнула земля.

«Надо действовать», — твёрдо сказал себе Ярослав. Он последний раз оглядел комнату, будто запоминая её такой — тихой, уютной, ещё не тронутой войной. Затем повернулся и вышел в коридор, готовый спуститься вниз и найти укрытие — или, если потребуется, найти способ защитить тех, кто рядом.

Ярослав выбежал в коридор и замер у окна. Картина за стеклом заставила сердце сжаться.

По улице метались люди — кто-то в домашней одежде, кто-то успел накинуть куртку или пальто. Семьи с детьми, старики, молодые пары — все двигались в разных направлениях, охваченные паникой. Несколько человек бежали в сторону метро, их силуэты мелькали между деревьями парка, а кто-то сворачивал к старым домам с высокими подвалами — видимо, надеясь найти там укрытие.

Воздух наполнился криками, плачем, отрывочными фразами:

— Сюда, сюда, за мной! — Быстрее, быстрее! — Держись за руку, не отпускай!

Машины экстренных служб проносились по дороге с ревом сирен — красные пожарные, белые с синей полосой «скорые», тёмные фургоны гражданской обороны. Они мчались в разных направлениях, мигали проблесковыми маячками, и каждый новый звук сирены заставлял прохожих вздрагивать и ускорять шаг.

Ярослав прижался лбом к холодному стеклу. Он заметил женщину с коляской — та пыталась перебежать дорогу, но поток людей мешал ей. Рядом мужчина тащил на плечах пожилую

женщину, что-то ей шептал, успокаивал. Двое подростков бежали, держась за руки, — лица бледные, глаза, расширенные от страха.

Вдалеке, за поворотом улицы, раздался резкий хлопок — не взрыв, но что-то похожее. Толпа впереди сжалась, потом рванулась в стороны, создавая затор. Кто-то упал, его тут же подняли и потянули за собой.

Ветер подхватил ворох опавших листьев — жёлтых, красных, бурых — и закружил их в безумном вихре, будто сама осень пыталась унести людей подальше от опасности.

Ярослав отпрянул от окна. В груди тяжело билось сердце, в висках стучала кровь. Он сжал кулаки, пытаясь собраться с мыслями. Паника заразительна, но сейчас важнее всего — действовать разумно. Нужно было решить, куда идти, что делать дальше, как найти безопасное место в этом внезапно сошедшем с ума мире.

Он последний раз бросил взгляд в окно — люди всё бежали, машины всё мчались, а небо над городом, ещё недавно такое спокойное, теперь казалось тяжёлым и угрожающим — и решительно направился к лестнице.

Ярослав рванул по улице, лавируя между бегущими людьми. Он держал курс на старый торговый центр — там, в подвале, должно было быть надёжное укрытие. Но уже на подходе к перекрёстку он замер, сглотнув ком в горле: путь был полностью перекрыт.

Посреди дороги, на боку, лежал городской автобус — его опрокинуло ударной волной или резким манёвром. Искорёженный металл, разбитые стёкла, дым, идущий из-под корпуса. Рядом, в нескольких метрах, пылала легковушка: огонь уже охватил капот и салон, языки пламени лизали осенний асфальт, а едкий чёрный дым поднимался в небо, смешиваясь с холодным воздухом.

Ярослав на мгновение застыл, оценивая обстановку. Вокруг царил хаос. Люди метались, не зная, куда бежать. Кто-то пытался обойти препятствие слева — там образовалась давка у забора частного дома. Другие бросались вправо, к переулку, но и там уже скопилась толпа.

В этот момент донёсся новый звук — глухой, раскатистый грохот где-то на окраине города. Ярослав инстинктивно поднял голову: вдалеке, за лесом, в небо поднялся столб дыма. Через несколько секунд — ещё один взрыв, ближе. Земля едва заметно дрогнула под ногами.

— Бегите! — кричал кто-то рядом. — Они приближаются!

Люди бросались врассыпную. Мать схватила на руки маленького ребёнка и бросилась к подъезду ближайшего дома. Двое мужчин пытались перевернуть автобус, чтобы вытащить тех, кто мог остаться внутри. Пожилая женщина, потеряв сумку, стояла посреди улицы и плакала, не понимая, куда идти.

Возле горящей машины валялся водитель — он пытался отползти, но нога, видимо, была сломана. Ярослав сделал шаг вперёд, но его дёрнули за рукав:

— Не лезь! — крикнул незнакомый парень в куртке с капюшоном. — Сейчас ещё что-нибудь рванет!

— Но там человек... — начал Ярослав.

— Сам не справишься! — перебил тот. — Тут всем конец придёт, если стоять будем!

Новый взрыв прогремел совсем близко — где-то за жилыми кварталами. Ударная волна докатилась до перекрёстка, заставив людей пригнуться. Стекла в окнах ближайших домов задрожали, некоторые посыпались вниз, звеня осколками. Дети плакали, взрослые кричали, кто-то молился вслух.

Ярослав огляделся, ища другой путь. Слева — забор и деревья, справа — узкий переулок, ведущий к старой котельной. Там, кажется, был вход в подземные коммуникации. Не самое надёжное укрытие, но лучше, чем оставаться на открытой улице.

Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках. Страх был, но паника — враг. Нужно было действовать быстро, чётко, без суеты. Ярослав пригнулся, стараясь держаться

ближе к стенам домов, и двинулся к переулку. В голове билась одна мысль: «Главное — не останавливаться. Главное — найти укрытие и понять, что происходит».

Позади снова грохнуло, и в небо взметнулось новое облако дыма. Ярослав ускорил шаг, почти переходя на бег. Впереди ждал узкий проход между домами — его шанс на спасение.

Грохот раздался внезапно — оглушительный, разрывающий воздух. Взрыв прогремел в квартале от них: Ярослав почувствовал, как земля дрогнула под ногами, а следом пришла ударная волна.

С жутким звоном вылетели стёкла из окон ближайших зданий — осколки посыпались вниз, сверкая на осеннем солнце. По улице прокатился шквал: он сорвал с деревьев последние листья, подхватил обрывки газет, куски пластика и мелкие обломки.

Ярослав среагировал мгновенно. Он увидел рядом женщину с двумя детьми — мальчиком лет семи и девочкой помладше. Они замерли на месте, широко раскрыв глаза от ужаса, не понимая, куда бежать.

Не раздумывая, Ярослав бросился к ним, обхватил всех троих и резко пригнул к земле, закрывая собой. Они упали на асфальт, и в тот же миг над ними пронёсся шквал осколков и мелких предметов.

— Лежите, не поднимайтесь! — крикнул он, стараясь перекрыть грохот и крики вокруг.

Вокруг царил хаос. В воздухе висела густая пелена пыли и дыма. Где-то рядом стонал раненый — Ярослав мельком увидел мужчину, прижатого к стене обломком бетонной плиты. Чуть дальше женщина пыталась оттащить от горящей машины искорёженный велосипед, её руки были в крови.

Запах гари смешивался с чем-то едким, химическим — будто горело не просто топливо, а что-то более опасное. Дым щипал глаза, затруднял дыхание.

Мальчик, которого Ярослав прикрывал, тихо заплакал, вцепившись в рукав его куртки. Девочка, помладше, замерла, прижавшись к матери, её губы дрожали.

— Всё будет хорошо, — тихо, но твёрдо сказал Ярослав, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Главное — не паникуйте. Сейчас мы аккуратно осмотримся и решим, куда двигаться.

Он осторожно приподнял голову, оценивая обстановку. Фасад дома напротив был частично разрушен — зияла дыра на месте оконного проёма, с карниза свисали оборванные провода. На дороге валялись обломки кирпичей, куски металла, перевернутый киоск. Несколько машин загорелись, от них шёл густой чёрный дым.

Люди начали подниматься, кто-то звал на помощь, другие пытались помочь раненым. Повсюду были разбросаны вещи: сумки, зонты, детская игрушка — плюшевый медведь, наполовину обгоревший.

Женщина, которую он спас, подняла глаза на Ярослава. Её лицо было в царапинах, но она старалась держаться ради детей.

— Спасибо, — прошептала она дрожащими губами. — Я... я не успела среагировать.

— Сейчас не время для благодарностей, — ответил Ярослав, помогая им подняться. — Нам нужно найти укрытие. Видите, то здание с уцелевшим подвалом? — он указал на старый склад в конце улицы. — Туда. Держитесь ближе ко мне и следите за землёй — остерегайтесь осколков.

Он взял девочку за руку, кивнул мальчику, чтобы тот держался рядом с матерью, и осторожно двинулся вперёд, внимательно глядя по сторонам — в любой момент мог последовать новый взрыв.

Ярослав огляделся, быстро оценивая обстановку. Взгляд зацепился за вывеску старого подземного паркинга в конце улицы — массивные бетонные колонны у входа, тяжёлые ворота. «Там должны быть достаточно прочные перекрытия, — мелькнуло в голове. — Это наш лучший шанс».

— Идём к паркингу! — громко и чётко сказал он, поворачиваясь к женщине и детям. — Держитесь рядом, смотрите под ноги.

Он взял девочку за руку, кивнул мальчику, чтобы тот шёл рядом с матерью, и двинулся вперёд, выбирая путь вдоль стен домов — так было меньше риска попасть под обломки или летящие осколки.

Они успели преодолеть половину пути, когда новый грохот заставил всех замереть. Ярослав обернулся и похолодел: на противоположной стороне улицы рушился многоэтажный дом. Сначала треснула стена — вдоль фасада прошла огромная зияющая трещина. Затем верхние этажи начали оседать, проваливаться внутрь себя, поднимая тучи пыли и обломков.

— Мама! — вскрикнула девочка, вцепившись в руку Ярослава.

Под завалами доносились крики — отчаянные, полные боли и ужаса. Кто-то звал на помощь, кто-то стонал, кто-то молил о спасении. Ярослав сжал зубы — он хотел броситься туда, помочь, но понимал: сейчас важнее спасти тех, кто рядом.

— Не смотрите туда, — тихо сказал он детям. — Идём дальше. Быстрее.

Они ускорили шаг, но тут женщина, шедшая позади, охнула и споткнулась. Ярослав обернулся: она схватилась за ногу, лицо исказилось от боли.

— Что случилось?

— Осколок... — прошептала она, опуская взгляд. Из-под её юбки, чуть выше колена, торчал кусок стекла. По ткани уже расплзлось тёмное пятно крови. — Я не заметила...

Ярослав быстро оценил ситуацию. Оставлять её здесь нельзя — слишком опасно. Возвращаться назад бессмысленно: помощи ждать неоткуда.

— Держитесь за мной, — сказал он мальчику. — Обхвати маму за плечи, помогай ей идти.

Ярослав подошёл к женщине, подхватил её под руку с другой стороны.

— Опирайтесь на меня. Мы почти на месте.

Она кивнула, сцепила зубы, стараясь не показывать боль. Мальчик, хоть и был напуган, проявил неожиданную стойкость: он крепко взял мать за руку и подставил плечо.

Они двинулись дальше — медленно, осторожно. Ярослав шёл впереди, высматривая опасные участки. По дороге попадались обломки, битый кирпич, оборванные провода. Один раз пришлось обойти горящую машину — дым ел глаза, но они упорно продвигались вперёд.

Наконец показались ворота паркинга. Они были частично открыты, но не заблокированы. Ярослав помог женщине опереться на стену, быстро осмотрелся.

— Всё, почти пришли, — ободрил он. — Сейчас я проверю вход, а потом помогу вам спуститься. Там будет безопасно.

Он сделал шаг к воротам, прислушиваясь к звукам вокруг. Где-то вдали снова грохнуло, но здесь, у массивных бетонных стен, казалось чуть спокойнее. Ярослав глубоко вдохнул, выдохнул и обернулся к своим спутникам:

— Держитесь. Мы справимся.

Ярослав с трудом пробирался к воротам паркинга, поддерживая женщину с детьми. Впереди уже виднелся тёмный проём входа — казалось, спасение так близко. Но у самого порога всё застопорилось: там началась давка.

— Там места хватит всем, не толкайтесь! Люди толпились, напирала друг на друга, пытаясь протиснуться внутрь. Кто-то кричал: — Пропустите ребёнка! — Я первый пришёл, дайте пройти!

Ярослав попытался протолкнуться вперёд, но поток людей оттеснил их в сторону. Женщина с раненой ногой едва держалась на ногах, мальчик вцепился в её рукав, а девочка снова заплакала.

— Спокойно, — громко и твёрдо сказал Ярослав, стараясь перекрыть шум. — Держитесь за мной, я найду другой вход!

Он начал осторожно отступать в сторону, выискивая взглядом запасной проход или служебный люк. В этот момент всё вокруг взорвалось.

Новый взрыв прогремел совсем близко — кажется, где-то за углом здания, в сотне метров от паркинга. Ударная волна швырнула Ярослава в сторону: он ударился плечом о бетонную колонну, на мгновение потерял ориентацию. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли тёмные пятна.

Когда он пришёл в себя, картина вокруг изменилась до неузнаваемости. Воздух наполнился пылью и дымом, куски штукатурки и мелкие обломки сыпались сверху. Люди кричали, метались, кто-то звал на помощь.

— Женщина! Дети! — закричал он. — Где вы? Ярослав резко поднялся, оглядываясь по сторонам. Но его голос тонул в общем фоне: вопли, стоны, чьи-то команды, плач. Он сделал несколько шагов, вглядываясь в толпу, но нигде не видел знакомых лиц.

— Марина! — снова крикнул он, вспомнив, как женщина представилась по пути. — Аня, отзовитесь!

Никто не ответил. Среди хаоса мелькали похожие силуэты — женщина с ребёнком на руках, девочка в красной куртке, — но это были не они.

— Вы не видели женщину с двумя детьми? — спрашивал он то одного, то другого. — Женщина, ранена в ногу, мальчик лет семи, девочка помладше... Ярослав бросился к входу в паркинг, протискиваясь между людьми.

— Тут все раненые! Пропустите, у меня ребёнок задыхается! Кто-то мотал головой, кто-то отмахивался, кто-то кричал в ответ:

Он остановился, пытаясь взять себя в руки. Паника — плохой помощник. Нужно мыслить ясно.

«Куда они могли деться? — лихорадочно соображал Ярослав. — После взрыва их тоже могло отбросить в сторону. Или они успели проскочить внутрь, пока я лежал».

Он огляделся, прикидывая варианты. Слева — груда обломков, под которыми могли оказаться люди. Справа — узкий проход между стеной паркинга и соседним зданием. А прямо перед ним — вход, куда всё ещё протискивались уцелевшие.

— Марина! Дети! — в последний раз громко позвал он, вслушиваясь в каждый звук. — Отзовитесь! Я здесь, я вас найду! Ярослав стиснул кулаки. Нельзя терять ни секунды.

Не дождавшись ответа, он принял решение. Сначала — проверить проход справа: там меньше народу, и, если они упали или спрятались, есть шанс их обнаружить. Ярослав глубоко вдохнул, выдохнул и решительно шагнул в узкий проулок, внимательно вглядываясь в каждый угол и прислушиваясь к каждому стону или всхлипу.

Ярослав, с трудом проталкиваясь сквозь толпу, вдруг замер — его взгляд зацепился за трещину, расплзающуюся по фасаду здания рядом с паркингом. Стена пошла зигзагом, сверху посыпались кирпичи и куски штукатурки.

— Осторожнее! — кто-то крикнул рядом.

Толпа, ещё секунду назад теснившаяся у входа, в панике отхлынула. Люди разбегались в разные стороны, кричали, толкались, спотыкались. Кто-то упал — его тут же подхватили под руки и потянули прочь.

Ярослав, вопреки всеобщему бегству, сделал шаг вперёд. Он не мог просто так уйти — там, под обломками, могли быть люди. Он бросился к нависающей глыбе бетона, уже готовой рухнуть, — хотел заглянуть под неё, проверить, нет ли кого поблизости. Но не успел сделать и пары шагов, как чья-то крепкая рука схватила его за плечо и дёрнула назад.

— Туда нельзя! Обрушение! — прогремел голос над ухом.

Ярослав обернулся. Перед ним стоял светловолосый мужчина лет сорока, весь в пыли и копоти. Его светлые волосы, перепачканные пеплом, слиплись и потемнели, лицо было в царапинах, рубашка порвана на плече. Глаза, однако, горели решимостью.

— Там опасно, — повторил мужчина, тяжело дыша. — Ещё секунда — и тебя бы накрыло.

— Но там могут быть люди! — возразил Ярослав, указывая на нависающие обломки. — Женщина с двумя детьми... Я потерял их из виду.

— Я видел, как они отошли к той стене, — быстро сказал мужчина. — С ними был парень в синей куртке — помог ей с ногой. Они не под завалом.

Ярослав почувствовал, как в груди отлегло.

— Ты уверен?

— Видел своими глазами, — кивнул мужчина. — Меня, кстати, Игорь зовут.

— Ярослав, — машинально ответил тот, всё ещё не сводя взгляда с рушащегося здания.

Часть стены с грохотом обрушилась, подняв облако пыли. Люди вокруг отпрянули ещё дальше, кто-то закричал.

— Если они там, где ты говоришь, — нам нужно их найти, — Ярослав повернулся к Игорю. — Но сначала — обезопасить людей. Тут слишком много народу столпилось у входа, а здание может посыпаться дальше.

Игорь окинул взглядом толпу, оценил обстановку и кивнул:

— Согласен. Давай так: я соберу тех, кто может помочь, — отведу людей подальше, проверим, нет ли раненых. А ты проверь ту стену, о которой я говорил. Если найдёшь их — веди к нам. Встретимся у угла, возле пожарного щита.

Ярослав коротко кивнул:

— Договорились.

Он бросил последний взгляд на груды обломков — сердце всё ещё сжималось от тревоги, — и решительно направился туда, куда указал Игорь. В голове билась одна мысль: «Главное — успеть. Главное — найти их живыми».

Игорь тем временем уже громко и властно раздавал указания:

— Эй, вы двое! Помогите женщине — у неё рука, кажется, сломана. Остальные — отходим к забору, подальше от стен! Осматриваем всех, ищем раненых!

Ярослав ускорил шаг. Впереди, сквозь дым и пыль, он уже различал силуэты людей у стены — среди них была женщина с перевязанной ногой и двое детей рядом. Он побежал к ним.

Небо внезапно озарилось ослепительной вспышкой — такой яркой, что на мгновение стало светло, как днём, несмотря на хмурые осенние тучи. Новый, более мощный взрыв прогремел, где-то в центре города. Ударная волна докатилась до Ярослава с запозданием — она швырнула его в сторону с такой силой, что он не успел даже выставить руки.

Затылком он жёстко ударился о бетонный столб. В голове вспыхнула острая боль, перед глазами заплескали разноцветные круги. Мир начал стремительно темнеть, словно кто-то медленно поворачивал регулятор яркости, убавляя свет до минимума. Звуки отдалялись: крики людей, грохот разрушений, вой сирен — всё сливалось в глухой, монотонный гул, который постепенно затихал.

Ярослав попытался подняться, но тело не слушалось. Он упал на колени, опираясь рукой о землю, и поднял взгляд к небу. И то, что он увидел, заставило его замереть в оцепенении.

В воздухе, на высоте нескольких десятков метров, парили странные объекты — приплюснутые шары диаметром около двух метров. Они не были похожи ни на что знакомое: гладкая металлическая поверхность отливала тусклым серебристым блеском, на корпусе виднелись какие-то символы или узоры, напоминающие руны. Шары двигались синхронно, плавно меняя положение, будто сканируя местность.

Один из них замер над рухнувшим зданием и выпустил тонкий огненный луч — тот с лёгкостью прорезал бетон, вызывая новый взрыв и облако пыли. Другой шар метнулся в сторону улицы, выпустил серию коротких импульсов — несколько машин вспыхнули, как факелы. Третий завис над толпой людей, замер на секунду, будто выбирая цель...

Ярослав с трудом сфокусировал взгляд. В животе похолодело от ужаса: он понял, что это не просто оружие, а нечто куда более осмысленное, почти разумное. Шары действовали целенаправленно, методично уничтожая всё вокруг — не хаотично, а по какому-то плану.

Он попытался крикнуть, предупредить людей, но голос пропал. Язык не слушался, губы едва шевелились. В ушах зазвенело, зрение сузилось до маленькой светлой точки в центре темноты.

Последнее, что он успел заметить, — один из шаров резко развернулся в его сторону. На мгновение показалось, что тот смотрит прямо на него, изучает, оценивает... А потом — вспышка, ещё ярче предыдущей, ослепительный свет, пронзающий сознание.

Мир окончательно погрузился во тьму. Звуки исчезли. Тело обмякло, рука безвольно соскользнула с земли. Ярослав потерял сознание, рухнув на асфальт среди обломков, пыли и хаоса разрушенного города.

Вокруг продолжали парить металлические шары — безмолвные, неумолимые, методично выполняющие свою задачу. А над городом, затянутым дымом и пеплом, повисла злове- щая тишина, прерываемая лишь редкими взрывами и стонами уцелевших.

Пробуждение в неизвестности

Ярослав медленно открыл глаза. В первую секунду он не понял, где находится. Вместо дыма, обломков и грохота разрушений — абсолютная тишина и ровный мягкий свет.

Он лежал на чём-то упругом и гладком, будто на толстом слое пены, покрытом тонкой тканью. Вокруг — стерильные белые стены, идеально ровные, без единого изъяна, царапины или тени. Ни трещин, ни проводов, ни розеток — ничего, что могло бы подсказать, где он и как сюда попал.

Ярослав попытался сесть — тело отозвалось тупой болью в затылке, но в остальном казалось целым. Он провёл рукой по поверхности под собой: гладкая, упругая, почти живая на ощупь. Взгляд скользнул по пространству — помещение небольшое, квадратное, без окон. Единственная дверь — гладкая, белая, без ручки, замочной скважины или каких-либо обозначений.

«Где я?» — мысль прозвучала в голове глухо, будто сквозь вату.

Он поднялся на ноги, покачнулся, но устоял. Сделав шаг к стене, провёл по ней пальцами — холодная, гладкая, словно покрытая слоем глянцевой эмали. Ни единого шва, ни намёка на стык панелей. Всё слишком... идеально.

«Кто я?»

Этот вопрос ударил неожиданно, почти физически. Ярослав замер, пытаясь вспомнить. Имя... да, его зовут Ярослав. Но что дальше? Семья? Работа? Город, в котором он жил? Воспоминания рассыпались, как песок сквозь пальцы. Перед глазами мелькали обрывки: взрыв, крики, женщина с детьми, светловолосый Игорь... Но всё это было словно в тумане, неуловимо, будто чужой сон.

Он резко обернулся к двери, будто ожидал, что она сейчас откроется сама. Но та оставалась неподвижной, безликой, пугающе совершенной.

«Что произошло?»

В памяти вспыхнула яркая вспышка, летающие шары, огненные лучи... Но теперь это казалось нереальным, фантазмагорией. Может, он ранен? В бреду? Или всё ещё лежит, где-то под обломками, а это — предсмертное видение?

Ярослав сделал несколько шагов по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Дыхание участилось. Что-то было не так. Не просто «странно» — а опасно. Интуиция кричала об этом, будто внутренний голос шептал: «Будь начеку. Здесь всё не то, чем кажется».

Почему?

Стены слишком ровные. Свет слишком ровный. Тишина слишком полная — ни гула вентиляции, ни шороха, ни эха собственных шагов. Даже дыхания почти не слышно.

Он подошёл к двери и постучал. Звук получился глухим, будто ударял не по твёрдой поверхности, а по слою ваты. Ни эха, ни отдачи.

— Есть кто-нибудь? — голос прозвучал хрипло, неуверенно.

Ответа не последовало.

Ярослав прижался лбом к гладкой поверхности двери. В голове крутились вопросы, один страшнее другого: «Где я? Кто меня сюда привёл? Почему я ничего не помню, кроме обрывков хаоса? И почему это безупречное, стерильное пространство вызывает такой неконтролируемый страх?»

Интуиция не обманывала: за этой идеальной чистотой скрывалась безукоризненная, расчётливая опасность. Что-то здесь контролировало всё — даже его память, даже его дыхание. И чтобы выжить, ему нужно было понять правила этого нового мира... прежде чем кто-то решит, что он здесь лишний.

Он отступил на шаг, оглядел комнату ещё раз — теперь уже не как растерянная жертва, а как человек, готовый искать ответы. Он поднялся на ноги и сделал несколько шагов по комнате. Шаги не издавали звука, будто пол поглощал любые вибрации. Ярослав подошёл к стене и провёл по ней пальцами — поверхность была холодной, гладкой, почти неестественно совершенной.

— Ладно, — тихо произнёс Ярослав. — Разберёмся.

В этот момент дверь бесшумно отъехала в сторону. Ярослав инстинктивно отступил на шаг. В проёме появились два роботизированных существа. Они выглядели как люди, но что-то в них сразу насторожило Ярослава. Одинаковый рост — около 180 см, схожие черты лица, абсолютно нейтральные выражения. Одежда — простые серые комбинезоны без опознавательных знаков. Движения плавные, почти механические, без естественных человеческих микропауз.

«Вы пришли в себя», — произнёс первый ровным, бесстрастным голосом. Его губы двигались чётко в такт словам, без естественных для человека микро задержек. — Это хорошо. Вы в безопасности.

Ярослав сглотнул, пытаясь унять нарастающее беспокойство. Что-то в этой фразе, в самой манере её произнесения казалось неправильным.

— Где я? — спросил он, стараясь говорить твёрдо.

— Вы находитесь в учреждении АО «Заслон», — ответил второй сотрудник. Он сделал шаг вперёд — движение было настолько плавным, что напоминало скольжение. — Ваше состояние стабилизировано. Всё будет хорошо.

Ярослав невольно отступил на шаг.

— Что случилось до того, как я здесь оказался? Я помню взрывы, людей...

Первый сотрудник слегка наклонил голову — жест, который мог бы выглядеть сочувственным, если бы не абсолютная неподвижность его лица.

— Ваша память восстановится постепенно, — произнёс он. — Сейчас важно ваше физическое состояние. Вы получили травму головы, но серьёзных повреждений нет.

Ярослав ощутил укол раздражения. Ответы были слишком шаблонными, слишком... идеальными.

— Кто вы такие? — напрямик спросил он.

— Мы сотрудники учреждения, — ответил второй. Его взгляд был направлен прямо на Ярослава, но в нём не было ни интереса, ни эмоций — только холодная внимательность. — Наша задача — обеспечить вашу безопасность и комфорт. Пожалуйста, следуйте за нами. Мы проведём первичный осмотр и поможем вам освоиться.

Они двинулись вперёд — не предлагая, а констатируя факт. Ярослав невольно отступил к стене. Что-то в их поведении вызывало безотчётный страх: безупречная синхронность движений, отсутствие мимики, ровный тон голоса, в котором не было ни теплоты, ни враждебности — только функция.

— Пойдите, — он поднял руку. — Я не пойду никуда, пока не получу ответы. Что это за место? Почему всё такое... идеальное?

Оба остановились, повернулись к нему. На мгновение повисла пауза — слишком долгая для естественного человеческого общения. Затем первый произнёс:

— Идеальность — залог безопасности. Здесь нет места хаосу. Вы скоро это поймёте.

— Соппротивление бессмысленно. Ваше благополучие — наш приоритет. Идёмте. Второй добавил:

Их голоса звучали одинаково — ни тембровых различий, ни интонационных нюансов. Будто два динамика воспроизводили одну и ту же запись. Ярослав почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь, но комната была

абсолютно пустой. Дверь за спинами сотрудников закрылась с тихим шипением, отрезая путь к отступлению.

«Роботы, — мелькнуло в голове. — Или что-то ещё хуже».

Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках.

— Хорошо, — медленно произнёс он, стараясь говорить спокойно. — Покажите, что здесь происходит.

Сотрудники синхронно кивнули.

— Мудрое решение, — сказал первый. — Ваша адаптация начнётся сейчас.

Они развернулись и направились к выходу. Ярослав последовал за ними, внимательно наблюдая за их движениями. Каждый шаг, каждый поворот головы казались отрепетированными. В груди нарастало ощущение ловушки — но пока он не понимал, как из неё выбраться.

Коридор за дверью был таким же стерильным: белые стены, ровный свет, ни единого предмета декора. Вдалеке виднелись другие двери, такие же безликие, как и та, из которой он вышел. Где-то далеко слышался ровный гул — не вентиляции, а чего-то иного, размеренного и неумолимого.

Ярослав сжал кулаки, стараясь запомнить каждую деталь. Он не знал, что это за место и какие правила здесь действуют. Но одно он понял точно: чтобы выжить и вернуть память, ему придётся играть по этим правилам — пока не найдёт способ их сломать.

Ярослав шёл следом за двумя сотрудниками, стараясь незаметно осматриваться. Его шаги эхом не отдавались — пол будто поглощал звук. Коридор был длинным, прямым, с идеально гладкими стенами молочного цвета. Никаких украшений, надписей, табличек — только изредка встречались едва заметные стыки панелей, да небольшие круглые отверстия у потолка, напоминающие вентиляцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.